

Раушан Байгужаева

ПУСТЬ ЖИВУТ РАССКАЗЫ

МОЯ ПОДРУЖКА МИЛКА

Милка Загинаева сидела за третьей партой. Волосы у нее были тонкие и гладкие, все время выбивались из жидкой косички и висели вдоль лица. Учительница Мария Михайловна почему-то сразу невзлюбила ее, беспощадно ставила двойки и тройки и зло цедила сквозь зубы:

– У-у, невоспитанная! Сначала мамашу твою надо воспитать, а потом – тебя!

Милка на это тяжело вздыхала, а на кончиках ее ресниц появлялись капельки слез, которые, подброжав, скатывались горошинами по щекам.

– Ну-ка, не реви! – еще пуще сердилась Мария Михайловна. – Москва слезам не верит!

Девчонки с Загинаевой не дружили, а мальчишки кричали вслед: «Эй, невоспитанная!» или совали под нос пучок травы: «Милка, Милка, дай молока!» – у них в селе Милками звали только коров.

Я жалела Милу, но учительница была для меня непререкаемым авторитетом, как Аллах для моей бабушки. А вот Москве доставалось: тоже мне, слезам не верит! Как же не верить, вон они как у Милки по щекам текут.

Загинаева жила с матерью и младшим братом в двухквартирном бараке на Новостройке. Мать ее была похожа на артистку Люсьену Овчинникову. Она шила у себя на дому платья и костюмы для всей округи. Говорят, однажды даже пальто для жены директора совхоза сшила. Но почему она была невоспитанной, для меня оставалось загадкой. Ни разу я не видела, чтобы Милкина мать кому-то грубила. Она даже разговаривала, как Овчинникова, – ласково и стыдливо. И детей своих никогда не ругала. А имя у нее было обычное – Наташа.

Весной, когда зацвел урюк, случилось чудо – вернулся из армии мой дядя Ринат. За четыре года, пока дядя служил в Германии, я успела вырасти и уже заканчивала первый класс, мама родила еще двух ребятешек, а бабушка заболела от тоски и ожидания. Мама даже боялась, что она умрет, так и не дождавшись сына. Кроме того, мы переселились из маленького домика с камышовой крышей в настоящий дворец с тремя комнатами и верандой, с большим садом и огородом.

Я помнила дядю угловатым парнишкой, а теперь в калитку, плотно окруженный встречавшей родней, входил красивый стройный солдат. Всем хотелось обнять Рината, потрогать его, а он искал глазами бабушку, которая от радости совсем лишилась сил и ждала его в доме. Потом дядя рассказывал, что сильно испугался: вдруг матери уже нет в живых, а родные это скрыли от него.

С возвращением дяди в доме все изменилось. Мне теперь не хотелось ходить в школу. Мне нравилось сидеть рядом с бабушкой и смотреть, как дядя начищает металлические пуговицы на гимнастерке или проводит бархоткой по хромовым сапогам, лихо собранным в голенищах гармошкой. И я с нетерпением ждала каникул. Папа вел взрослые беседы с братом и часто смеялся своим раскатистым смехом, слушая его веселые рассказы про службу. А бабушка даже перестала умирать и все дни проводила с сыном, купая его в материнской любви, которую накопила за годы разлуки.

Первое время у дяди не было гражданской одежды, и он ходил всюду в солдатской. Потом он устроился работать водителем и появлялся дома лишь поздним вечером.

Однажды он попросил маму пошить ему брюки. Мама сходила в сельмаг и купила отрез шерстяной ткани синего цвета. Вечером они вместе сняли мерки, а на другой день мы с мамой отправились на Новостройку к Милкиной матери делать заказ.

Квартира Загинаевых состояла из двух комнат и крохотной кухни. Портниха провела их в зал. Там вдоль стены стояла железная кровать, а у окна – большой стол с широкой столешницей. Рядом посверкивала никелем старая ножная машинка.

– А чё это он сам не пришел? – спросила Наташа, раскладывая на столе ткань.

– Он целый день на работе, не может, – ответила мама и подала ей листок с мерками.

Тут вбежала Милка и, увидев меня, засияла щербатым ртом. Я ответила ей тем же. Так и стояли мы и пялились друг на друга, как два щенка.

– Нагулялась? – спросила мать. – Пойди, картошки почисть.

Милка мотнула косичкой и убежала на кухню. Я с уважением посмотрела ей вслед – сама я еще не умела чистить картошку.

– Так он вам кто, деверь, что ли? – спросила Наташа, искоса взглядывая на маму.

– Не знаю, – пожала плечами мама. – Он мужа моего младший брат.

– Ну, значит, деверь, – заключила Милкина мать, вооружаясь мелком и длинной железной линейкой. – Да вы садитесь, в ногах-то правды нет. Вон там табуретки.

Мама нашла табуретку и села, я прислонилась к ней. Сидеть мне не хотелось. Я все поглядывала на дверь кухни, где мелькала, гремя посудой, Мила.

– А как его зовут? – вдруг заинтересовалась Наташа, не поднимая глаз от работы.

– Ринат! – радостно возвестила я.

– Ринат, – задумчиво произнесла Наташа и вдруг ахнула: – Ой, да ведь у меня был знакомый татарин Ринат! Это когда я в учхозе жила, под Токмаком. Ага, красивый такой, глаза чернушие, зубы белые, кудрявый... – Она замолчала, улыбаясь воспоминаниям.

– Мой дядя тоже красивый! – ревниво сказала я.

Мама дернула меня за руку.

– Правда? – Наташа даже отложила мелок. – А сколько ему лет?

Этого я не помнила и повернулась к маме.

– А тебе сколько? – вдруг спросила мама, хмурясь.

– Мне-то? Мне двадцать восемь, – просто ответила Милкина мать, расчерчивая мелком какие-то линии. – Ткань хорошая. И цвет красивый. Мой любимый.

– А муж твой где? – строго спросила мама, не давая ей уйти от темы. Я не любила, когда мама становилась такой, и мне сразу стало скучно.

– Муж? А муж объелся груш, – сообщила Наташа.

Мама испуганно охнула:

– Отравился, да?

Портниха засмеялась.

– Да нет же. Поговорка такая... – Она помолчала, скрипя ножницами. – Пил он. Иной раз придет – хоть выжимай. Да еще ревновал меня к каждому столбу. Вот я с ним и развелась... Потом списалась с теткой, да и сюда приехала. Тетка моя, Шура Иванихина, на Почтовой живет. Не знаете ее?

– А-а, тетя Шура, которая в школе уборщицей работает? – оживилась мама.

– Знаю. Хорошая женщина.

– Ну да, да ее все знают.

– Мам, я начистила! – выглянула из кухни Милка.

– Щас, дочка, – откликнулась Наташа. – Подожди чуток. Помой ее хорошенько.

– Я помыла. – Милка подошла и уставилась на материну работу. Мы с ней снова обменялись щенячьими взглядами.

– Ну мы пойдем, – сказала мама. – Когда будет готово?

– Да посидите еще! – замахала руками Наташа. – Щас вот наживулю, покажу, как будет.

Из соседней комнаты раздался детский плач.

– Санька проснулся! Иди, дочка, глянь, чего он там... Что-то рано, поспал бы еще.

Милка метнулась в другую комнату.

– А он замуж меня не возьмет? – спросила вдруг Наташа.

– Кто? – не поняла мама. А я поняла сразу, и щеки мои загорелись от волнения.

– Да деверь ваш, – тихо сказала Милкина мать, стыдливо опуская глаза.

Мама сначала опешила. Потом возмущенно всплеснула руками:

– Ой, ты что, с ума сошла? Ты старше его, к тому же другой нации. У тебя дети. Он молодой, только из армии пришел, ему молодая девушка нужна, как-зашка...

– Да, да, – смущенно кивала Наташа, закрепляя шов узелком. – Не берите в голову. Это я так... Ну вот, глядите.

Она показала нам посаженные на живульку штанины.

Из спальни появилась Милка с трехлетним Санькой.

– Не хочет больше спать, – заявила девочка.

– Ах, ты моя рыбонька! – улыбнулась сыну мать. – Идите, попишите. Сейчас картошки нажарим. Хочешь картошки, сынок?

Санька закивал головой, потирая глаза кулачками.

– Завтра к вечеру сошью, – сообщила портниха и добавила: – Вы мне авансик оставьте пока.

– Сколько надо? – спросила мама, вытаскивая кошелек.

– Да рубля хватит.

Мама положила на стол мятый рубль.

Наташа проводила их до двери и заметила робко:

– Хорошо бы сам на примерку пришел, а то вдруг не впору будут...

– Нет! Не придет, некогда ему, – твердо сказала мама и добавила, смягчаясь:

– Мне говорили, что ты хорошая портниха, сошьешь и так.

– Ну, как знаете, – вздохнула Наташа, и мне показалось, что на ресницах ее дрожали слезинки, точь-в-точь, как у Милки.

В ту ночь я не могла никак уснуть. Я мечтала о том, как Милкина мать нечаянно встречается с моим дядей Ринатом. Это могло произойти в клубе, куда дядя ходил вечерами на танцы. И вот он приглашает ее на вальс, и они кружатся, кружатся под «Дунайские волны»! На нем белая рубаша и синие брюки, а на ней – синее платье в белый горошек. Я видела Наташу в этом платье седьмого ноября. Милкина мать ласково и стыдливо, как Люсьена Овчинникова, смотрит на Рината из-под челки. А он улыбается ей своими карими глазами.

А потом... потом они поженятся, и Милка станет мне сестрой! И Мария Михайловна больше не посмеет обижать Загинаеву, ведь мой дядя был когда-то ее любимым учеником. Дальше начиналась путаница, потому что я не могла решить, кто и с кем будет жить. Если Наташа с детьми переселится в наш дом, то нам станет тесно. А если дядя уйдет к ним, то что будет делать бабушка?

Вечером другого дня мама принесла от портнихи брюки. Это было воскресенье. Дядя пришел из совхозной бани и примерил обнову. Брюки сидели на нем, как влитые.

– Как они тебе идут, свет мой! – сказала бабушка. – Дай Аллах, чтобы сам сносил их.

– Говорили мне, что хорошая портниха, а я не верила, – сказала довольная мама, – без единой примерки сшила! Закажу-ка я ей платье.

– Как ее зовут? – вдруг спросил дядя, закрепляя брюки ремнем.

– Наташа! Это мама Милки Загинаевой. Она со мной учится! – выпалила я на одном дыхании.

– Так кто с тобой учится, Милка или ее мама? – спросил, лукаво улыбаясь, дядя.

Все вокруг засмеялись, а мне почему-то захотелось плакать.

Спустя месяц дядя уехал в дальнее село водить бензовоз, там больше платили. Вместе с ним дом покинуло веселье. Бабушка затосковала и снова засобиравлась помирать.

Зато наступили долгожданные каникулы, и я стала бегать на Новостройку к Милке. До полудня мы играли у них в палисаднике в тени дома. А после обеда Милка прибегала ко мне. Мы опять играли в куклы под сливой возле дома или шли в сад полакомиться столовкой. Но больше всего нам нравилось добывать муравьиный сок. На задах сада был большой муравейник. Большие рыжие муравьи сновали туда-сюда, каждый со своим грузом. Мы слюнявили пруттики

и протягивали их к муравейнику, потом стряхивали муравьев и облизывали прутья. Сладко-кислый муравьиный сок напоминал лимонад.

Однажды мне в правое ухо забрался муравей. Он гудел там, как трактор, и мне было очень больно. Я трясла головой, ковырялась в ухе пальцем. Милка посоветовала мне попрыгать, как после купания. Я попрыгала на одной ноге, склонив голову направо и прижав ладонь к уху. Но все напрасно. Наконец я не выдержала и заплакала.

В это время мама неподалеку стегала под яблоней одеяло. А больная бабушка сидела рядом, отдыхала.

– Что там стряслось? – всполошилась мама.

– Ей в ухо муравей зашел! – опасливо сообщила Милка.

Мама в ужасе ущипнула себя за щеку:

– Говорила же я вам, не играйте возле муравейника!

А бабушка сказала слабым голосом:

– Нацеди ей в ухо молока. Он и выйдет.

Мама тогда кормила грудью моего братика. Она посмотрела на бабушку с недоверием:

– Неужто поможет?

Вместо ответа бабушка лишь кивнула. Ей уже каждое слово давалось с трудом.

– Ну-ка, подойди! – скомандовала мама мне, выпрастывая из платья грудь.

Я, всхлипывая, подошла. Мама наклонила мне голову, отвела от уха прядь и выжала из темного соска пару струй. Через некоторое время из моего уха и вправду показался муравей! Милка осторожно взяла его и опустила в траву, и мы, присев на корточки, смотрели, как муравей, мокрый, еще не веря своему избавлению, прокладывает себе дорогу в густой траве. А мама снова принялась стегать одеяло.

Потом она вдруг сказала Милке:

– И чего ты такая лохматая? Неужели мать тебе косу нормально заплести не может?

Мила смущенно покачала головой:

– Не, это не мама, ей некогда. Я сама заплетаюсь.

Нас с сестрой до сих пор причесывала и заплетала мама, смачивая нам головы душистым маслом, чтобы гуще росли волосы.

Мама вдруг воткнула иглу в катушку и подозвала Милку:

– Ну-ка, иди сюда!

Милка послушно присела на край кошмы.

Мама распустила Милкину косичку, вынула гребешок из своих волос, и он пошел гулять по голове Милки! Я смотрела, как мама ловко прибирает тонкие пряди девочки, сплетая их в аккуратную косицу, и на сердце у меня было радостно...

Наташа так и не прижилась в нашем селе. В августе она с детьми подалась куда-то в поисках своего неуловимого счастья. А я еще долго тосковала по своей подружке Милке. Теперь я мечтала, как Наташа встретит хорошего человека, похожего на артиста Евгения Матвеева, и они поженятся. Я даже нарисовала в альбоме их свадьбу.

ИМЯ

Когда мне исполнилось три года, мой дядя, единственный брат отца, ушел в армию.

Тот благоухающий весенний день встает в моей памяти в мельчайших подробностях, ведь мне тогда было целых три года!

Ага пришел домой с охапкой сирени и, не зная, куда ее деть, сунул мне, а сам, шмыгнув носом, остался стоять у порога, подпирая косяк острой лопаткой. В эту минуту из «большой» комнаты вышел отец, окинул пытливым взглядом брата, потом меня, прикрытую ворохом сирени, и опять перевел глаза на брата. Ага потупил взор.

– Забирают, – сказал он. – Завтра.

Мой тридцатилетний отец имел уже троих детей и на двенадцать лет был старше дяди – на целый мушель, как любила подчеркивать бабушка. Этот мушель и отсутствие отца (дедушку недавно похоронили) давали папе право говорить так, как он говорил в тот день.

Это было напутственное слово. Но моя память, какой бы удивительной она ни была, не в силах воспроизвести ту речь. К тому же я не вслушивалась в нее. Я стояла, как маленький сиреневый куст, благоговейно сжимая в объятиях цветы. Их запах кружил мне голову, лепестки щекотали лицо. Правда, сквозь щекотанье и аромат я все же уловила непреклонную строгость в голосе папы и цифру, означавшую срок, который надлежало дяде отслужить в армии, – четыре года.

Четыре года! Я никак не могла сосчитать, сколько же мне будет к возвращению ага из армии. Мои математические страдания прервала сестрица, великая собственница и стяжательница, даром что она была ровно в два раза младше меня. Разглядев меня за букетом, она горестно раскинула ручки и издала вопль бесчестно обманутой и обкраденной. Потом бросилась ко мне и вцепилась в цветы, желая немедленно восстановить справедливость. Но я не собиралась сдаваться. Сестрица подняла страшный визг, нарушив стройное течение отцовских мыслей. Он недовольно поморщился и приказал мне:

– Отдай, ты большая.

Я выпустила из рук букет, и одновременно из глаз моих брызнули слезы. Сестра не могла обхватить все цветы, половина веток рассыпалась, и она, победно сопя, пыталась собрать их.

Угукнув на очередное замечание папы, дядя шагнул к нам, и его рука мягко легла мне на голову, обдав легким запахом «беломора». Сестрица в тот же миг забыла о цветах и, потрясенная новым обманом, схватила себя за стриженую головку и разразилась новым воплем, почище первого. Ага широко улыбнулся, обнажая крупные зубы, и водрузил ей на голову другую ладонь. Слезы скандалистки тут же высохли. Тут раздался раскатистый смех папы, и сестрица взлетела к потолку, счастливо хохоча и дрыгая ножками. А дядя поднял на руки меня и бережно поцеловал своими крупными «негритянскими» губами. Я тоже была счастлива.

Есть люди, рождающиеся с ангельски красивыми лицами, но потом, с годами, красота эта куда-то исчезает, блекнет. Встретив такого человека в зрелом возрасте, испытываешь грусть и разочарование, будто, наделенный Богом от рождения драгоценным даром, он не смог удержать его.

У ага моего все было наоборот.

Он не был рожден красавцем, и сейчас, когда ему исполнилось восемнадцать лет, это был обыкновенный юноша с узкими лукавыми глазами, а бесформенные толстые губы его едва прикрывали большой рот, полный зубов.

Расцвел мой дядя к годам двадцати семи. Именно в этом возрасте окончательно сложилась его атлетическая фигура, закурчавились когда-то непослушные жесткие волосы и стали шапкой обрамлять его крупную голову. Узкие глаза цвета гречишного меда округлились, и помимо лукавства в них теперь ясно просматривалась глубина и выразительность. Губы словно уменьшились и приобрели четкие очертания. Но чудом на его лице был нос – прямой, точный, с тонкими чуткими ноздрями.

В тот солнечный день, когда он переминался, слушая наставления старшего брата, ага уже успел побывать в «кипящем жерле жизни». В четырнадцать лет, повинаясь мальчишеской жажде приключений, он сбежал на целину. В нашем семейном альбоме хранятся фотографии подростка в лихо заломленной кепке. Он стоит, крепко обнявшись с такими же безусыми ребятами. Из рта небрежно торчит «беломорина». Все они одеты по моде тех времен в короткие вельветовые куртки и широченные брюки.

Многочисленные письменные угрозы брата, одобренные заклипаниями стариков, не смогли вернуть ага раньше, чем он насытился целиной. Оттуда дядя привез чемодан подарков всем домочадцам и веселую песенку со словами: «Ой ты, зима морозная!..»

И вот он снова уезжал на бесконечные четыре года. Обнимая его гибкую юношескую шею, я почувствовала, что ага мягко, но настойчиво отрывает меня от себя. И тут я увидела, что в открытую дверь важно входит кот, наш удивительный снежно-белый кот с угольно-черным хвостом и разноцветными глазами: правый глаз был голубой, левый – желтый. Дядя заулыбался, взял его на руки и принялся нежно поглаживать. Кот заурчал, умиротворенно прикрыл глаза. Его ага любил не меньше, чем нас. Увы, кот не дождался его возвращения. Он обожал, свернувшись калачиком, спать на высокой кровати в гостевой комнате. После него на покрывале оставался налет белой шерсти. Однажды мама, рассердившись, изо всей силы огрела его полотенцем. Кот, оскорбленно мяукнув, выскочил вон. С тех пор мы его не видели. Судя по неординарной внешности и гордой изнеженной натуре, кот наш был непростых кровей.

Все сельские кошки и собаки любили моего ага. С замиранием сердца я всегда наблюдала, как он подходил к любой страшной собаке, и та вдруг из отпетой зверюги, рвущей цепь, превращалась в кроткое домашнее животное и, виновато моргая, позволяла потрепать себя по загривку.

Но к тому времени, когда дядя уходил в армию, у нас не было собаки. Моя феноменальная память молчит по поводу этого обстоятельства. Она в который раз с четкостью хорошей пленки воспроизводит изображение нашего маленького домика под камышовой крышей. Домик стоит возле школы, а вокруг – чистое поле, переходящее на задах в холмы, а те, в свою очередь, плавно переходят в горы, сизыми вершинами подпирающие собой небосвод. Справа «чистоту» поля нарушает гипсовый памятник Ленину, крашенный алюминиевой краской. Вокруг него пасутся телята и время от времени трутся шеями о его постамент.

У дома нашего не было ни палисадника, ни огорода, ни сада, только пристройка хлева с одинокой меланхоличной козой.

Устав обращаться к памяти, я поразмышляла и предлагаю две причины, по которым у нас не могло быть собаки. Первая. Скажите, пожалуйста, какая собака станет охранять такой странный, не уважающий себя дом? Настолько не уважающий, что не обзавелся самой заваливающей оградой и не позаботился о собачьей конуре? Вторая. Представьте себе соседство начальной школы, также ничем не огороженной, и вам станет ясно, что бедный пес просто сошел бы с ума, реагируя на каждого пробегающего мимо школьника.

Итак, собаки не было, а кот был, и, вернувшись из армии, ага на второй же день спросил про него. Узнав об истории исчезновения любимца, он погрустнел и с детским недоумением посмотрел на маму.

Все скучали по дяде, пока он служил, но больше других ждали его двое: я и бабушка. Наше ожидание было истовым, как повседневный бабушкин намаз.

Моя Куляш-апа была высокая величественная старуха со следами былой красоты. Она являлась байбише, то есть первой женой дедушки. Бог не дал ей детей. Чувствуя себя бесконечно виноватой перед мужем, Куляш-апа в двадцатипятилетнем возрасте, решив больше не испытывать судьбу, сама подыскала деду токал, бабушку Кунсары. Бедная Кунсары-апа прожила всего тридцать семь лет, но люди говорят, что папа с дядей ни минуты не ощущали себя сиротами. Куляш-апа любила их беззаветно, как родных детей. Иногда эта любовь переходила даже границы приличия. Например, все лакомые кусочки она подкладывала детям, причем подавала все в самой лучшей в доме посуде. Ей было наплевать на то, что пиала с щербинкой досталась почетному гостю. После ухода гостей бабушка спокойненько выслушивала упреки папы, весьма щепетильного в вопросах гостеприимства, на чудачества своим не изменяла.

По праву первенца я считалась бабушкиной дочерью. В том домике с камышовой крышей у нас с ней не было кровати, и мы спали на полу возле печки. Каждый вечер перед сном мы с бабушкой некоторое время посвящали разговорам о дяде. Все начиналось с моего обычного вопроса:

– Когда вернется ага?

Бабушка отвечала со вздохом:

– Если Господу будет угодно, он должен прийти через две весны на третью.

– А сколько это дней?

– Много.

– Ну сколько?

– Откуда мне знать?! – кипятилась бабушка. – Я не училась, как твой отец. Однажды я задала ей, как мне казалось, вполне логичный вопрос:

– А если Господу не будет угодно?

– Тек! – гневно оборвала меня бабушка. – Никогда не говори так! – и принялась извиняться перед Аллахом за мою чудовищную бестактность: – О Создатель, прости ее, мала еще, не ведает, что говорит... Э Алла-тагала, сохрани и огради, на все твоя воля, сбереги от напастей, на тебя одного уповаю...

Это была ее обычная молитва перед сном. Она служила мне колыбельной.

Перед самым возвращением дяди бабушка заболела и в своих молитвах просила теперь Бога только об одной милости: чтобы позволил ей дожидаться

ненаглядного сына. Он исполнил ее просьбу. Бабушка не только дождалась дядю, но и прожила еще целый год после его возвращения.

Из Германии, где служил, ага опять привез чемодан подарков. Но какие это были подарки! Шелковая полосатая пижама отцу; по отрезу диковинной ткани маме и бабушке; маленький коврик с дерущимися на опушке леса оленями; узорная скатерть с кистями и, наконец, нам – пистолеты, стреляющие водяной струей, и губные гармошки! А про невиданные конфеты, круглые, прозрачные в шуршащих радужных обертках, я уже просто молчу.

Все вещи дяди, начиная с солдатской одежды и кончая подарками, имели особый волнующий запах. Очень долго в моем сознании слово «Германия» было связано с этим запахом.

Ага еще не был красавцем, но уже был на пути к этому, и когда я увидела его, сердце мое наполнилось ликующим восторгом.

У дяди моего всегда была уйма друзей. Тщательно побрившись и надушившись «Шипром», он уходил вечерами, коротко бросив маме: «Я к ребятам». И мы с сестренкой выбегали следом, чтобы успеть еще раз полюбоваться его молодецкой фигурой в голубой курточке из плащевой ткани и синих диагональных брюках. Справедливости ради в этом месте следует отметить, что сестрица моя к тому времени уже утратила свои былые, не очень красивые ее черты.

Первые два года после армии ага шоферил вдаль от дома, и все домашние ждали только одного – его женитьбы. Я тоже ждала этого события с нетерпением, рисуя в воображении его будущую невесту. Но дядя неожиданно поступил в физкультурный институт, и женитьба его отложила на неопределенный срок, что дало мне возможность совершенствоваться в мыслях образ его невесты.

Это был собирательный образ. Она имела броское, яркой восточной красоты лицо Шахерезады, стройную фигуру танцовщицы, как-то приезжавшей к нам с концертом. Нрав у нее, конечно, должен был быть ангельским.

И только профессию я никак ей не могла подобрать. Вначале она представлялась мне артисткой. Но мама почему-то считала эту профессию сомнительной, хоть и приносящей славу и деньги. В ее глазах артисты были носителями всех мыслимых и немыслимых человеческих пороков.

В это время в космос запустили первую женщину-космонавта, и я стала тайно мечтать, чтобы дядина избранница оказалась второй по счету. Потом она была поочередно дипломатом, мастером спорта по художественной гимнастике, и, наконец, поколебавшись, я остановилась на профессии врача-отоларинголога. Я прекрасно знала, что это попросту «ухо-горло-нос», но сложное по звучанию слово придавало важность и таинственность этому довольно банальному занятию.

Ничего не подозревая о моих грезах, дядя тем временем учился в столице на тренера по вольной борьбе, наезжая к нам в каникулы и производя среди нас, детей, праздничный переполох.

С его приездом дом опять наполнялся запахами здорового и чистого, молодого мужского тела, приправленного неназойливыми ароматами неизменных «Беломора» и «Шипра».

Утром ага почти час уделял гимнастическим упражнениям. У него был изумительный цвет кожи. По-казахски это звучало длинно: «кара торы кызыл шырайлы». На русский я перевела просто: «краснокожий». Это был замечательный матово-смуглый цвет с красноватым отливом – цвет здоровья и отваги.

В любое время года дядя выходил во двор обнаженным до пояса, и мы из разных точек двора и дома, содрогаясь от любви, смотрели, как под красной кожей его перекатываются тугие мускулы.

После завтрака ага обычно обучал приемам борьбы двух моих братьев-забияк. Они на скакивали друг на друга, как два молодых петушка, а он, глухо похохатывая, растаскивал их.

Ближе к вечеру дядя чисто брился, надевал моднейшие брюки-клеш и, бросив всем: «Я к ребятам», уходил, что-то насвистывая.

Едва за ним закрывалась дверь, мы с сестрицей стремглав бросались к окну и провожали ненасытными глазами его триумфальное шествие по улице.

У дяди нашего была неподражаемая походка. Я называла ее иноходью. Он нес свое тело стремительно и плавно, как чистокровный иноходец, частые переборы сухих мускулистых ног не вызывали в торсе ни малейшего колебания.

Проходя по улице, ага останавливался поздороваться с сельчанами. И они, улыбаясь, перебрасывались с ним парой-другой фраз, а потом подолгу смотрели ему вслед – тоже любовались им.

Когда у нас собирались гости, дядя становился источником безудержного веселья. Из него, как из рога изобилия, сыпались истории, одна увлекательнее другой. Героем их частенько бывал он сам. Насмеявшись вволю, гости вздыхали: «Ох, Реке, уморил!» – и смотрели на него с бесконечным обожанием.

На больших тоях ага выходил в круг танцевать. Андижанская полька превращала его в истинного узбека, цыганочка – в лукавого цыгана, лезгинка – в лихого горца. Разумеется, все первые призы принадлежали ему.

Иногда ага работал с нашим отцом на строительстве нового дома или помогал маме поливать подсолнуховое поле. Тут я должна поведать о единственном недостатке дяди, который мне долгое время не давал покоя: он работал без особой охоты, с ленцой. Обсуждая между собой этот его недостаток, родители мои снисходительно посмеивались. Они прощали ему этот его единственный изъян. Меня же он смущал, как пятно на солнце, пока в моей голове не сверкнула однажды спасительная мысль: да просто мой ага не был рожден для физической работы!

Как скакун чистых кровей, рожденный не для плуга, а для красивой верховой езды, ага мой был создан для спорта, для увеселения людей, для прекрасных благородных поступков.

Как вам уже известно, дядя был единственным братом моего отца и между ними простирался целый мушель. Случилось это не потому, что моя бабушка Кунсары родила папу, а потом только через двенадцать лет решила родить ага. Нет, бабушка, как полноценная женщина и добропорядочная жена своего мужа, рожала каждые полтора-два года, но дети умирали в младенчестве, не успев научиться ходить. Возможно, виной тому отчасти было лихолетье голодных тридцатых.

И когда бабушка собралась рожать ага, дедушка отвез ее в соседний Пишпек, в большую городскую больницу. Бабушка, доведенная до отчаяния смертью пятерых детей, решила испробовать последнее средство. Она попросила русских женщин-акушеров придумать сыну имя. Женщины, недолго думая, предложили назвать мальчика Игнатом. Неграмотная бабушка силилась на слух запомнить чужеродное имя, но пока доехала до дому, все-таки забыла. Из ее невразумительного лепета родные разобрали что-то похожее на Ринат. Дядю нарекли Ринатом, и он остался жить.

Взрослые говорили, что злые духи, охотившиеся за его душой, заблудились. Чужое, немусульманское имя спасло его, закрыв, как щитом.

Пусть недолго, всего сорок два года жил мой солнечный ага на белом свете, охраняемый именем. Но эта жизнь была до краев наполнена событиями, приключениями, насыщенными буднями и яркими праздниками. В долгих поисках он, наконец, нашел свою суженую, которая родила ему дочь и трех сыновей. Она оказалась простой учительницей, но в ней было все, что он искал и не находил в других. Избранница дяди вскоре и меня заставила забыть о вымышленном мною образе...

Я слышала про старуху Жашке, названную именем соседа Яшки; старика Жагора нарекли так в честь конюха Егора; рассказывали также про мужчину по имени Митенке (ласково, Митенькой называла своего сына соседка Мария) – все они обманули духов смерти, защитившись русскими именами.

В мире много подобных чудес, но не следует вооружаться лупой и скальпелем, чтобы объяснить их природу. Пусть живут они среди нас, изумляя и приводя в трепет. Пусть живут.

....

В сентябре 2015 года отмечают:

60-летие

Абдраим ТОЛЫМБЕТ, прозаик

70-летие

Женис АРОНОВ, поэт

Жаксылык РАХМАТТУЛА, прозаик

***Редакция журнала «Простор»
сердечно поздравляет юбиляров!***

